

Nine Stories

J.D. Salinger

Девять рассказов

Дж. Д. Сэлинджер

Москва 2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С 97

J. D. Salinger
NINE STORIES

© 1948, 1949, 1950, 1951, 1953 by J. D. Salinger
Copyright renewed 1975, 1976, 1977, 1979, 1981 by J. D. Salinger

Перевод с английского *Норы Галь, Риты Райт-Ковалевой,*
Маргариты Ковалевой и Сергея Таска

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Сэлинджер Дж. Д.

С 97 Девять рассказов : [пер. с англ.] / Дж. Д. Сэлинджер. — М. : Издательство «Э», 2015. — 224 с. — (Культурная классика).

ISBN 978-5-699-69841-7

«Девять рассказов» американского писателя Джерома Дэвида Сэлинджера — мировой бестселлер в категории короткой прозы. Это книга, повлиявшая на развитие мировой литературы так же, как лучшие сборники рассказов Эрнеста Хемингуэя или Франца Кафки, проникнутая духом дзэна так же, как учение самого Будды...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

- © Н. Галь, перевод с английского.
Наследники, 2015
- © Р. Райт-Ковалева, перевод с английского.
Наследники, 2015
- © М. Ковалева, перевод с английского.
Наследники, 2015
- © С. Таск, перевод с английского, 2015
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

ISBN 978-5-699-69841-7

Все слышали хлопок двух ладоней,
А кто слышал одной ладони хлопок?

Коандзен

ХОРОШО ЛОВИТСЯ РЫБКА-БАНАНКА

В гостинице жили девяносто семь ньюйоркцев, агентов по рекламе, и они так загрузили междугородный телефон, что молодой женщине из 507-го номера пришлось ждать полдня, почти до половины третьего, пока ее соединили. Но она не теряла времени зря. Она прочла статейку в женском журнальчике — карманный формат! — под заглавием «Секс — либо радость, либо ад!». Она вымыла гребенки и щетку. Она вывела пятнышко с юбки от бежевого костюма. Она переставила пуговку на готовой блузке. Она выщипнула два волосика, выросшие на родинке. И когда телефонистка наконец позвонила, она, сидя на диванчике у окна, уже кончала покрывать лаком ногти на левой руке.

Но она была не из тех, кто бросает дело из-за какого-то телефонного звонка. По ее виду можно было подумать, что телефон так и звонил без прерыва с того дня, как она стала взрослой.

Телефон звонил, а она наносила маленькой кисточкой лак на ноготь мизинца, тщательно обводя лунку. Потом завинтила крышку на бутылочке с лаком и, встав, помахала в воздухе левой, еще не про-

сохшей рукой. Другой, уже просохшей, она взяла переполненную пепельницу с диванчика и перешла с ней к ночному столику — телефон стоял там. Сев на край широкой, уже оправленной кровати, она после пятого или шестого сигнала подняла телефонную трубку.

— Алло, — сказала она, держа поодаль растопыренные пальчики левой руки и стараясь не касаться ими белого шелкового халатика, — на ней больше ничего, кроме тувель, не было — кольца лежали в ванной.

— Даю Нью-Йорк, миссис Гласс, — сказала телефонистка.

— Хорошо, спасибо, — сказала молодая женщина и поставила пепельницу на ночной столик.

Послышался женский голос:

— Мюриель? Это ты?

Молодая особа отвела трубку от уха:

— Да, мама. Здравствуй, как вы все поживаете?

— Безумно за тебя волнуюсь. Почему не звонила? Как ты, Мюриель?

— Я тебе пробовала звонить и вчера, и позавчера вечером. Но телефон тут...

— Ну, как ты, Мюриель?

Мюриель еще немного отодвинула трубку от уха:

— Чудесно. Только жара ужасающая. Такой жары во Флориде не было уже...

— Почему ты мне не звонила? Я волновалась, как...

— Мамочка, милая, не кричи на меня, я великолепно тебя слышу. Я пыталась дозвониться два раза. И сразу после...

— Я уже говорила папе вчера, что ты, наверно, будешь вечером звонить. Нет, он все равно... Скажи, как ты, Мюриель? Только правду!

— Да все чудесно. Перестань спрашивать одно и то же...

— Когда вы приехали?

— Не помню. В среду утром, что ли.

— Кто вел машину?

— Он сам, — ответила дочь. — Только не ахай. Он правил осторожно. Я просто удивилась.

— Он сам правил? Но, Мюриель, ты мне дала честное слово...

— Мама, я же тебе сказала, — перебила дочь, — он правил очень осторожно. Кстати, не больше пятидесяти в час, ни разу...

— А он не фокусничал — ну, помнишь, как тогда, с деревьями?

— Мамочка, я же тебе сказала — он правил очень осторожно. Перестань, пожалуйста. Я его просила держаться посреди дороги, и он послушался, он меня понял. Он даже старался не смотреть на деревья, видно было, как он старается. Кстати, папа уже отдал ту машину в ремонт?

— Нет еще. Запросили четыреста долларов за одну только...

— Но, мамочка, Симор *обещал* папе, что он сам заплатит. Не понимаю, чего ты...

— Посмотрим, посмотрим. А как он себя вел в машине и вообще?

— Хорошо! — сказала дочь.

— Он тебя не называл этой ужасной кличкой?..

— Нет. Он меня зовет по-новому.

— Как?

— Да не все ли *равно*, мама!

— Мюриель, мне необходимо *знать*. Папа говорил...

— Ну ладно, ладно! Он меня называет «Святой бродяжка выпуска 1948 года», — сказала дочка и засмеялась.

— Ничего тут нет смешного, Мюриель. Абсолютно не смешно. Это ужасно. Нет, это просто очень *грустно*. Когда подумашь, как мы...

— Мама, — прервала ее дочь, — погоди, послушай. Помнишь ту книжку, он ее прислал мне из Германии? Помнишь какие-то немецкие стихи? Куда я ее *девала*? Ломаю голову и не могу...

— Она у тебя.

— Ты уверена?

— Конечно. То есть она у меня. У Фредди в комнате. Ты ее тут оставила, а места в шкафу... В чем дело? Она ему нужна?

— Нет. Но он про нее *спрашивал* по дороге сюда. Допытывался — читала я ее или нет.

— Но книга *немецкая*!

— Да, мамочка. А ему все равно, — сказала дочь и закинула ногу на ногу. — Он говорит, что стихи написал *единственный великий поэт нашего века*. Он сказал: надо было мне хотя бы достать перевод. Или выучить немецкий — вот, пожалуйста!

— Ужас. Ужас! Нет, это так *грустно*... Папа вчера говорил...

— Одну секунду, мамочка! — сказала дочь. Она пошла к окну — взять сигареты с диванчика, закурила и снова села на кровать. — Мама? — сказала она, выпуская дым.

— Мюриель, выслушай меня внимательно.

— Слушаю.

— Папа говорил с доктором Сивским...

— Ну? — сказала дочь.

— Он *все* ему рассказал. По крайней мере, так он мне говорит, но ты знаешь папу. И про деревья. И про историю с окошком. И про то, что он сказал бабушке, когда она обсуждала, как ее надо будет хоронить, и что он сделал с этими чудными цветными открыточками, помнишь, Бермудские острова, словом, *про все*.

— Ну? — сказала дочь.

— Ну и вот. Во-первых, он сказал — *сущее преступление*, что военные врачи выпустили его из госпиталя, честное слово! Он *определенно* сказал папе, что не исключено, никак не исключено, что Симор *совершенно* может потерять способность владеть собой. Честное благородное слово.

— А здесь в гостинице есть психиатр, — сказала дочь.

— *Кто?* Как фамилия?

— Не помню. Ризер, что ли. Говорят, очень хороший врач.

— Ни разу не слыхала!

— Это еще не значит, что он плохой.

— Не дерзи мне, Мюриель, пожалуйста! Мы *ужасно* за тебя волнуемся. Папа даже хотел дать тебе *вчера* телеграмму, чтобы ты вернулась домой, и потом...

— Нет, мамочка, домой я пока не вернусь, успокойся!

— Мюриель, честное слово, доктор Сивский сказал, что Симор может *окончательно* потерять...

— Мама, мы только что *приехали*. За столько лет я в первый раз по-настоящему отдыхаю, не стану же я хватать вещички и лететь домой. Да я и не могла бы сейчас ехать. Я так обожглась на солнце, что еле хожу.

— Ты обожглась? И сильно? Отчего же ты не мазалась «Бронзовым кремом» — я тебе положила в чемодан? Он в самом...

— Мазалась, мазалась. И все равно сожглась.

— Вот ужас! Где ты обожглась?

— Вся, мамочка, вся, с ног до головы.

— Вот ужас!

— Ничего, выживу.

— Скажи, а ты говорила с этим психиатром?

— Да, немножко.

— Что он сказал? И где в это время был Симор?

— В Морской гостиной, играл на рояле. С самого приезда он оба вечера играл на рояле.

— Что же сказал врач?

— Ничего особенного. Он сам заговорил со мной. Я сидела рядом с ним — мы играли в «бинго», и он меня спросил: «Это ваш муж играет на рояле в той комнате?» Я сказала «да», и он спросил, не болел ли Симор недавно. И я сказала...

— А почему он вдруг спросил?

— Не знаю, мама. Наверно, потому, что Симор такой бледный, худой. В общем, после «бинго» он и его жена пригласили меня чего-нибудь выпить. Я согласилась. Жена у него чудовище. Помнишь то жуткое вечернее платье, мы его видели в витрине у Бонуита? Ты еще сказала, что для такого платья нужна тоненькая-претоненькая...

— То, зеленое?

— Вот она и была в нем! А бедра у нее! Она все ко мне приставала — не родня ли Симор той Сюзанне Гласс, у которой мастерская на Мэдисон-авеню — шляпы!

— А он-то что говорил? Этот доктор?

— Да так, ничего особенного. И вообще мы сидели в баре, шум ужасный.

— Да, но все-таки ты ему сказала, что он хотел сделать с бабусиным креслом?

— Нет, мамочка, никаких подробностей я ему не рассказывала. Но, может быть, удастся с ним еще поговорить. Он *целыми* днями сидит в баре.

— А он не говорил, что может так случиться — ну в общем, что у Симора появятся какие-нибудь странности? Что это для тебя *опасно*?

— Да нет, — сказала дочь. — Видишь ли, мама, для этого ему нужно собрать всякие данные. Про детство и всякое такое. Я же сказала — мы почти не разговаривали: в баре стоял ужасный шум.

— Ну что ж... А как твоё синее пальтишко?

— Ничего. Прокладку из-под плеч пришлось вынуть.

— А как там вообще одеваются?

— Ужасающе. Ни на что не похоже. Всюду блестящие — бог знает что такое.

— Номер у вас хороший?

— Ничего. Вполне терпимо. Тот номер, где мы жили до войны, нам не достался, — сказала дочь. — Публика в этом году жуткая. Ты бы посмотрела, с кем мы сидим рядом в столовой. Прямо тут же, за соседним столиком. Вид такой, будто они приехали на грузовике.

— Сейчас везде так. Юбочку носишь?

— Она слишком длинная. Я же тебе *говорила*.

— Мюриель, ответь мне в последний раз — как ты? Все в порядке?

— Да, мамочка, да! — сказала дочка. — В сотый раз — да!

— И тебе не хочется домой?

— Нет, мамочка!

— Папа вчера сказал, что он готов дать тебе денег, чтобы ты уехала куда-нибудь одна и все хорошенько обдумала. Ты могла бы совершить чудесное путешествие на пароходе. Мы оба думаем, что тебе...

— Нет, спасибо, — сказала дочь и села прямо. — Мама, этот разговор влетит в...

— Только подумать, как ты ждала этого мальчишку всю войну, то есть только подумать, как все эти глупые молодые жены...

— Мамочка, давай прекратим разговор. Симор вот-вот придет.

— А где он?

— На пляже.

— На пляже? Один? Он себя прилично ведет на пляже?

— Слушай, мама, ты говоришь про него, словно он буйный маньяк.

— Ничего подобного, Мюриель, что ты!

— Во всяком случае, голос у тебя *такой*. А он лежит на песке, и все. Даже халат не снимает.

— Не снимает халат? Почему?

— Не знаю. Наверно, потому, что он такой бледный.

— Боже мой! Но ведь ему *необходимо* солнце! Ты не можешь его заставить?

— Ты же знаешь Симора, — сказала дочь и снова скрестила ножки. — Он говорит — не хочу, чтобы всякие дураки глазели на мою татуировку.

— Но у него же нет никакой татуировки! Или он в армии себе что-нибудь наколол?

— Нет, мамочка, нет, миленькая, — сказала дочь и встала. — Знаешь что, давай я тебе позвоню завтра.

— Мюриель! Выслушай меня! Только внимательно!

— Слушаю, мамочка! — Она переступила с ноги на ногу.

— В ту же секунду, как только он скажет или делает что-нибудь странное, ну, ты меня понимаешь, немедленно звони! Слышишь?

— Мама, но я не боюсь Симора!

— Мюриель, дай мне слово!

— Хорошо. Даю. До свидания, мамочка! Поцелуй папу. — И она повесила трубку.

* * *

— Сими Гласс, Семиглаз, — сказала Сибилла Карпентер, жившая в гостинице со своей мамой. — Где Семиглаз?

— Кисонька, перестань, ты маму замучила. Стой смирно, слышишь?

Миссис Карпентер растирала маслом от загара плечики Сибиллы, спинку и худенькие, похожие на крылышки лопатки. Сибилла, кое-как удерживаясь на огромном, туго надутым мячике, сидела лицом к океану. На ней был желтенький, как канарейка, купальник — трусики и лифчик, хотя в ближайшие девять-десять лет она еще прекрасно могла обойтись и без лифчика.

— Обыкновенный шелковый платочек, но это заметно только вблизи, — объясняла женщина, сидевшая в кресле рядом с миссис Карпентер. — Интересно, как это она умудрилась так его завязать. Прелесть что такое.

— Да, наверно, мило, — сказала миссис Карпентер. — Сибиллочка, кисонька, сиди смирно.

— А где мой Семиглаз? — спросила Сибилла.

Миссис Карпентер вздохнула.

— Ну вот, — сказала она. Она завинтила крышку на бутылочке с маслом. — Беги теперь, киска, играй. Мамочка пойдет в отель и выпьет мартини с миссис Хаббель. А оливку принесет тебе.

Выбравшись на волю, Сибилла стремглав добежала до пляжа, потом свернула к Рыбачьему павильону. По дороге она остановилась, брыкнула ножкой мокрый, развалившийся дворец из песка и скоро очутилась далеко от курортного пляжа.

Она прошла с четверть мили и вдруг понеслась бегом, прямо к дюнам на берегу. Она добежала до места, где на спине лежал молодой человек.

— Пойдешь купаться, Сими Гласс? — спросила она.

Молодой человек вздрогнул, схватился рукой за отвороты купального халата. Потом перевернулся на живот, и скрученное колбасой полотенце упало с его глаз. Он прищурился на Сибиллу.

— А, привет, Сибиллочка!

— Пойдешь купаться?

— Только тебя и ждал, — сказал тот. — Какие новости?

— Чего? — спросила Сибилла.

— Новости какие? Что в программе?

— Мой папа завтра прилетит на ариплане! — сказала Сибилла, подкидывая ножкой песок.

— Только не мне в глаза, крошка! — сказал молодой человек, придерживая Сибиллину ножку. — Да, пора бы твоему папе приехать. Я его с часу на час жду. Да, с часу на час.

— А где та тетя? — спросила Сибилла.

— Та тетя? — Молодой человек стряхнул песок с негустых волос. — Трудно сказать, Сибиллочка. Она может быть в тысяче мест. Скажем, у парикмахера.

Красится в рыжий цвет. Или у себя в комнате — шьет кукол для бедных деток. — Он все еще лежал ничком и теперь, сжав кулаки, поставил один кулак на другой и оперся на него подбородком. — Ты лучше спроси меня что-нибудь попроще, Сибиллочка, — сказал он. — До чего у тебя костюмчик красивый, прелесть. Больше всего на свете люблю синие купальнички.

Сибилла посмотрела на него, потом — на свой выпяченный животик.

— А он *желтый*, — сказала она, — он вовсе *желтый*.

— Правда? Ну-ка подойди!

Сибилла сделала шагок вперед.

— Ты совершенно права. Дурак я, дурак!

— Пойдешь купаться? — спросила Сибилла.

— Надо обдумать. Имей в виду, Сибиллочка, что я серьезно обдумываю это предложение.

Сибилла ткнула ногой надувной матрасик, который ее собеседник подложил под голову вместо подушки.

— Надуть надо, — сказала она.

— Ты права. Вот именно — надуть и даже сильнее, чем я намеревался до сих пор. — Он вынул кулаки и уперся подбородком в песок. — Сибиллочка, — сказал он, — ты очень красивая. Приятно на тебя смотреть. Расскажи мне про себя. — Он протянул руки и обхватил Сибиллины щиколотки. — Я Козерог, — сказал он. — А ты кто?

— Шэрон Липшюц говорила — ты ее посадил к себе на рояльную табуретку, — сказала Сибилла.

— Неужели Шэрон Липшюц так и сказала?

Сибилла энергично закивала.

Он выпустил ее ножки, скрестил руки и прижался щекой к правому локтю.